

только крестное целование. Как известно, Судебник 1497 г. обязывал судей (статья вторая) принимать всех без исключения жалобщиков и давать им «управу». В этом сказалось стремление ко всеобъемлющему регулированию государством правовых отношений, что отвечало интересам политической централизации. В противоположность этому Зиновий отстаивал и формы третейского суда, что отстраняло тяжущихся от влияния государственного закона. Зиновий пишет Шишкину: «будет, государь, третей приводит исцов на мир, мзда есть третиему за то, что в любовь приводит исцов ... Третей, государь, по любве приводит, на мир правды смотря, а силою правого избидити не может...» (лл. 202 об.—203).

Направление взглядов Зиновия, как они выявляются по исследуемому Посланию, характеризует его как представителя интересов церковной реакции уже во второй половине 30-х годов XVI в.

Его выступление против централизующих мероприятий государства имело не отвлеченно-теоретическое значение.

Это выступление, сочетавшееся с демагогической апелляцией к народным нуждам, было целиком в духе времени, когда представители реакционной знати стремились использовать народное недовольство для сведения политических счетов с московским единодержавием. Уже в 1537 г. народное волнение в Москве было как-то связано с именем Андрея Старицкого и возвестило собой череду политических выступлений такого рода. Здесь уместно будет вспомнить ошеломляюще-решительные строки из Похвального слова Ионе, когда, выступая против «владущих» и правителей земских, Зиновий писал: «несть бо кто возбраня им таковому злу, ни мстя на них таковое губительство» (см. выше).

Когда Зиновий писал свои крамольные строки, перед его умственным взором вставали тени бояр, пытавшихся «греть руки» на народных волнениях 30—40-х годов.

Да, Зиновий мог сказать о себе: «Кто бывал избоджен, тот знает, какова беда и какова горесть обиды!», (л. 199 об.). Ненависть к виновникам своего опального положения также была свежа у Зиновия в конце 60-х годов, как и в конце 30-х годов, когда он писал свое Послание Шишкину.

Полемику Зиновия с Я. В. Шишкиным следует рассматривать как столкновение идейных противников. Сколько бы ни упрекал Зиновий Я. В. Шишкина в лености и волоките, он не мог скрыть (это проходит через все Послание), что его противник принципиально отвергал так называемый «борзый суд», основанный на процедуре крестного целования. В приведенных выше отрывках из Послания борьба ведется не просто с фактами судебной волокиты со стороны Шишкина, а с образом понятий Шишкина, видевшего в судебных рекомендациях Зиновия «грех». Для Зиновия суд «скорый» тем самым был суд «правый». Но Шишкин имел иные понятия о правом суде.

Я. В. Шишкин, как обрисовывается его образ в Послании Зиновия, был не только политиком-практиком, полномочным носителем государевой воли в Новгороде, но и вдумчивым человеком, с богатым духовным миром. Уже в начале Послания Зиновий сообщает о Шишкине: «духовными и наказаниями и телесными пищаами мое оледеневшее сердце насыщаешь и к свету богоразумия насталяешь» (л. 196 об.). Очевидно, имея в виду близость Шишкина к архиепископу Макарию и его двору, обусловленную не только служебным положением Шишкина, но и его религиозными интересами, Зиновий пишет: «живешь ис божественна мужа и велика свяителя и божия книги на всяк час чтутца ту» (л. 197 об.).

Зиновий знает, что может говорить с Шишкиным на языке религиозных понятий («знаячи твое желание к заповедям господним»), и пишет